

Литпортал

Голгофа геолога Попугаевой

Евгений Трейвус

Евгений Борисович Трейвус родился в Ленинграде. Окончил Горный институт в 1957 году. Кандидат геолого-минералогических наук, автор пяти книг и 150 статей по кристаллографии. Живет в Петербурге.

От редакции: сейчас широко распространено мнение, что все беды науки (и ученых) начались только два десятилетия назад, зато раньше все было просто идеально. Предлагаемая вашему вниманию статья наглядно демонстрирует ошибочность этой точки зрения. Более того, описанные в статье явления и система взаимоотношений в науке имеют место и в наше время.

В 1954 году на северо-западе Якутии было найдено первое в нашей стране коренное месторождение алмазов — кимберлитовая трубка “Зарница”, вознесшее к славе Ларису Попугаеву. Вместе с тем это открытие вылилось для нее в сильнейшую душевную травму, явившуюся следствием совершенного тогда же в отношении ее преступления, мало кому известного до сих пор и ставшего достоянием гласности только в 90-х годах благодаря якутскому журналисту Ришату Юзмухаметову.

Лариса Попугаева родилась 3 сентября 1923 года. Отец ее, Анатолий Гринцевич, — секретарь райкома партии в Одессе, расстрелянный в тридцать седьмом. Мать, Ольга Гринцевич, — ленинградский искусствовед.

Лариса Гринцевич (Попугаева).
10-й класс

В 1938 году после гибели отца вместе с матерью и родившейся в Одессе сестрой Лариса вернулась в Ленинград. В 1941 году окончила школу на Подольской улице и поступила в Ленинградский университет. Так получилось, что первое военное лето она провела в Москве (в военных действиях тогда не участвовала, хотя это и расписывается красочно некоторыми авторами).

В сентябре 1941-го приехала в Молотов (Пермь), куда эвакуировались ее мать и четырехлетняя сестренка. Начала учиться в местном университете (хотя в очерках о ней указывают на Ленинградский, тогда как наш университет был переведен в Саратов,

причем только в 1942 году). Она окончила курсы медсестер, работала в клинике. Окончила курсы пулеметчиц. В марте 1942 года Госкомитет обороны обратился к девушкам с призывом идти в армию: с апреля 1942 года по июль 1945 года Лариса Гринцевич — в дивизии ПВО Москвы. Она была добровольцем, что зафиксировано в ее автобиографии, хранящейся в архиве нашего университета; между тем пишут, что она попала в армию по комсомольской мобилизации. В комсомол она вступила только в апреле 1942 года: видимо, раньше ее туда не принимали как дочь “врага народа”. С 1944 года — член партии.

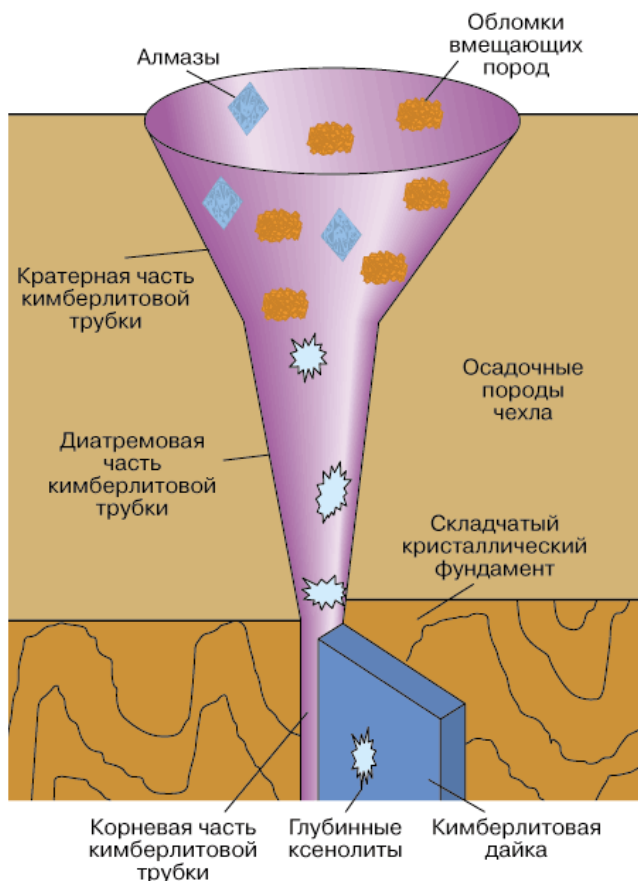
Ленинградский университет закончила в 1950 году по кафедре минералогии. Одновременно с учебой три года трудилась прорабом-геологом в разных экспедициях Северо-Западного геологического управления. Будучи старше однокашниц, пройдя войну и армию (командир орудийного расчета, младший сержант), одна из всех студенток на курсе курила. Хрупкая, невысокая, с большими голубыми глазами, с длинными красивыми косами, уложенными венцом вокруг головы. Открытая и веселая, немного бесшабашная (описывают ее и такой: “заводная, жизнерадостная, решительная”).

Уже в 1950 году ее работа на севере Иркутской области оказалась связанной с алмазной тематикой. В летний сезон 1951 года — в экспедиции на Приполярном Урале. В 1952 году Лариса Гринцевич стала Попугаевой: вышла замуж, родила дочь; муж Виктор много лет преподавал сопромат в ЛИСИ, был там проректором вечернего и заочного отделений.

Такова вкратце ее биография в первую половину ее жизни.

Наша страна имела в те годы лишь небольшие россыпные месторождения алмазов на Урале. Была острейшая нужда в технических алмазах: для абразивного и режущего инструментов, для буровых коронок. Во время Отечественной войны мы вынуждены были тратить золото на покупку алмазов у Англии. После этой войны наступила “холодная война”, и Англия прекратила их продавать: из союзницы превратилась в противницу. Независимость и безопасность государства, потребности его успешного экономического развития диктовали необходимость поиска собственных коренных алмазных месторождений.

С конца 40-х годов XX века в Якутии искала алмазы Амакинская экспедиция 2-го Союзного геологического треста (вначале и эта экспедиция, и этот трест назывались иначе). Дело в том, что геологическое строение значительной части Западной Якутии является сходным со строением юга Африки с ее знаменитыми месторождениями

Строение кимберлитовой трубки

алмазов в кимберлитовых трубках. “Трубками” они называются потому, что тела кимберлитовых пород имеют приблизительно цилиндрическую форму и лишь некоторую конусность. Вершина этого конуса обращена вниз. Кимберлитовые трубки иногда уходят в глубь земли на тысячу метров и более.

Амакинская экспедиция получила в свое распоряжение все, вплоть до самолетов. На берегу Вилюя в поселке Нюрба она построила большую собственную базу с необходимыми лабораториями. Геологам экспедиции удавалось находить в песчаных наносах по рекам Якутии отдельные кристаллы алмазов и небольшие алмазные россыпи. Однако после 6–7 лет работы эта

экспедиция не сумела выйти на коренные месторождения. Она искала их не так и не там: алмазы искали по алмазам, перерывая горы песков и галечников. Причем геологи терялись в предположениях, какие скальные породы являются первоисточником алмазов и где эти породы находятся. Трудно сказать, сколько бы еще потребовалось времени и усилий этой экспедиции для открытия коренных алмазов...

В 1950 году в Ленинграде, в Центральной экспедиции того же треста начали систематическое изучение минерального состава тяжелой фракции (шлиха) речных песков Якутии с упором на выявление в этих песках минералов-спутников алмаза (имея карту скоплений таких минералов, можно с гораздо большей определенностью говорить, где искать коренные алмазы). При этом предполагалось ориентироваться на те тяжелые минералы, которые сопутствуют алмазам в их россыпных месторождениях на Урале (шпинель, хромит и др. Впоследствии выяснилось, что указанные минералы не характерны в качестве спутников алмаза в его якутских месторождениях). Вести эту тему поручили Наталье Николаевне Сарсадских, энергичной и мужественной женщине.

Весной 1953 года в ее партию геологом пришла Попугаева. Полевой период в тот год они провели вместе. Сарсадских признает: “Мне было легко работать с Ларисой.

**Наталья Николаевна Сарсадских.
1953 год.**

Мы с ней очень сдружились в этом маршруте и понимали друг друга с полуслова. Она работала с увлечением, верила в успех дела”.

Они преодолели около 300 километров, не встретив ни одного человека, никакого жилья. Их путь пролегал по бассейну реки Мархи, левому притоку Вилюя: живописные места с тайгой по речным долинам. Именно Попугаева обнаружила в песчаных отложениях реки Далдын (левый приток Мархи) рубиновые зерна минерала, который они затруднялись точно определить. По этой реке Попугаева провела свои исследования

самостоятельно, без Сарсадских, которая, отделившись от нее, взяла на себя более тяжелый поход по правым притокам Далдына и водоразделам между ними. Таким образом, основополагающие материалы по указанной реке были получены Попугаевой.

В Ленинграде минералог Александр Александрович Кухаренко, доцент (в дальнейшем профессор) Ленинградского университета, быстро установил, что упомянутые рубиновые зерна — минерал пироп, непременный спутник африканских алмазов в кимберлитовых породах (впоследствии, как всегда, оказалось, что в Якутии уже находили пиропы, но их значение не оценили).

Пироп - разновидность граната, частый спутник алмаза.

Естественной была мысль: мыть речной шлик, что делается точно так же, как при промывке песка на золото, и выискивать в шлихе пиропы. Они легко бросаются в глаза, и их должно быть много по сравнению с алмазами. Нашлись — зацепиться за них и идти за ними вверх по течению реки. Кончились — значит, коренные кимберлиты остались позади.

Летом 1954 года Сарсадских не могла отправиться в Якутию: у нее в феврале того года родилась дочь. Пришлось уговаривать Попугаеву. Она отказывалась ехать,

ссылалась на то, что не справится, что район реки Далдын уже обследовали опытные геологи. Она сознавала громадность дела, которое на нее ложилось, потому и боялась. Вместе с тем навыков полевой работы имела уже достаточно: в ее “активе” было шесть полевых сезонов, хорошо знала и географию и геологию того района, условия работы там были ей знакомы, на промывке шлихов “набила руку”, минералы-спутники алмаза знала “в лицо”: кроме пироба, таковым являлся также минерал пикроильменит, черного цвета, тоже впервые обнаруженный там ею. Наконец ее уговорили.

Попугаевой дали всего лишь одного помощника, правда, честнейшего и надежного, — Федора Алексеевича Беликова. Он был деликатным человеком, всегда невозмутимым, вызывал общую симпатию, его все звали Федюней. Он являлся одновременно рабочим, коллектором, телохранителем. Годом раньше Беликов обучил Ларису мыть шлихи на пляже Петропавловской крепости. В сезон 1953 года Попугаева, Беликов и еще один рабочий промыли на Далдыне по указанию Сарсадских пробу песка объемом в 3 куб. м. Это — 300 десятилитровых ведер. С промывкой ведра песка, в котором нет примеси глины, удается иногда справиться в полчаса, а если глины много, то можно провозиться и полдня. Как раз в этой пробе обнаружился первый алмаз на Далдыне.

Слева: Лариса Попугаева и Федор Беликов. 22 августа 1954 г. На следующий день после открытия трубки «Зарница». Справа: Лариса Попугаева, начало 60-х годов

Высокое начальство не верило в положительный исход дела. Главный геолог их треста А. П. Буров заявил Сарсадских по телефону из Москвы: “Вы сами заварили эту кашу, вы и расхлебывайте”. Центральная экспедиция со скрипом, и то не полностью, выделила деньги. Часть расходов взяла на себя Амакинская экспедиция. Иван Иванович Краснов, изучавший геологию Якутии с прицелом на выделение там районов, перспективных на алмазы, руководитель одной из экспедиций Всесоюзного геологического института (ВСЕГЕИ), согласился попутно “присмотреть” за Попугаевой в отсутствие Сарсадских. Именно он и Кухаренко в докладной записке в указанный выше трест настаивали на пироповом методе алмазных поисков.

В июне 1954 года Попугаева и Беликов прилетели в Нюрбу (Ларису до этого поселка провожал муж). Поставили палатки и четыре дня ждали, пока Амакинская экспедиция даст самолет. Их “оборудование”: ведро, лопата, кирка, ручной лоток для промывания шлиха, лупа — и все.

Еще в Ленинграде было решено, что работа начнется с того места, где в предыдущий сезон обнаружили пиропы и кристаллик алмаза.

Их высадили на песчаной косе на Далдыне, и самолет улетел.

Они быстро вышли на пиропы, однако потребовалось около двух месяцев упорного труда, прежде чем они вышли на трубку. Ладони — в ледяной воде (район вечной мерзлоты); сегодня — жара с тучами комаров и мошек, завтра — бесконечный холодный дождь. Палатки, продукты и прочее — все приходилось тащить на себе и в резиновой лодке на бечевке вверх по реке. Веселила их бездомная белая лайка, которую они забрали в Нюрбе. “Нас было трио”, — говорила потом Лариса.

Пробы песка они брали через каждые 500 метров. В день продвигались не более чем на два километра. Работали с утра до вечера, продираясь сквозь заросли кустарника и тайгу, подступавшие к реке.

Наконец пиропы “ушли” в сторону от Далдына по ручью Дьяха, однако эти красные зерна продолжали попадаться и выше по течению Далдына. Попугаева и Беликов миновали Дьяху, обследовали несколько километров следующего ручья. Пиропы упустили, коренную их породу не нашли и вернулись на Далдын. Потребовалось около двух месяцев, чтобы пройти по нему 20 километров. Теперь они углубились в долину Дьяхи: Попугаева — по одному берегу, Беликов — по другому. Если в начале работы для отыскания пиропов требовалось до трех ведер песка, то теперь было достаточно двух-трех горстей. Километра через четыре ручей потерялся в болоте. Обошли его. Пиропов за ним не было. Оглядываясь вокруг, Лариса сказала: “Загадочное место!”

(Кимберлиты были у нее почти под ногами. Впоследствии в самом русле Дьяхи нашли кимберлитовую трубку. Поэтому пиропы, которые они находили по этому ручью, были не только принесенными с “Зарницы”, но и “местными”. Такая случайность — повышенное количество пиропов в долине Дьяхи — счастливо содействовала успеху работы Попугаевой.)

Они снова вернулись и стали перемещаться вверх по склону у ручья, метр за метром. Пробы подпочвенной рыхлой породы носили вниз для промывки.

21 августа 1954 года выбрались на плоскогорье с редколесьем из невысокой лиственницы и ольхи. Превышение над ручьем составило порядка 80 метров. Водотоки теперь уже не могли быть ориентиром. Сообразовывались только с компасом. Продвинулись не более чем на километр от ручья. К обеду пошел дождь. Беликов разжег костер. Лариса села, отвернула пласт дерна и неожиданно вскочила и схватила лупу: “Федюня, смотри! Голубая земля, и вся в пиробах!”

Это были разрушенные с поверхности кимберлиты, знаменитая в дальнейшем трубка “Зарница”.

Карьер на кимберлитовой трубке «Зарница» (июль 2004 г.). Кольцевые уступы — дороги, по которым идут стотонные самосвалы.

Первооткрыватели сидели, ошеломленные своей находкой. Тут же находились следы стоянки иркутских геологов: шалаш, кострище, консервные банки.

В конце июля к ней прилетал Краснов вместе с другим крупным геологом-алмазником М. А. Гневушевым посмотреть, как идут дела. Гневушев впоследствии опубликовал воспоминания об этой поездке. Читая их, начинаешь понимать, что

немногие могли бы работать так, как она. На последнем этапе поисков Попугаева ложилась на землю и, отворачивая дерн, высматривала пиропы. Как потом острили геологи, она открыла свое месторождение “животным способом”.

В качестве заявочного столба Беликов затесал стоявшую на трубке листовенницу. Рядом под кучкой камней Лариса оставила в консервной банке записку, в которой высказала надежду, что найдено месторождение алмазов. Записка кончалась обращением к товарищам-геологам: “Желаем успехов в дальнейшей работе по поискам интересных материалов к решению наших задач”. В этих словах обращает на себя внимание уровень ответственности молодой женщины-геолога. Ее бумажка чудом сохранилась и находится в местном музее.

Выкапывая по профилям через правильные промежутки, в соответствии с требованиями горной разведки, неглубокие ямы (“закопушки”), они выявили контур “Зарницы”, оказавшийся почти круглым, чуть больше 500 метров в диаметре. Нанесли трубку на карту.

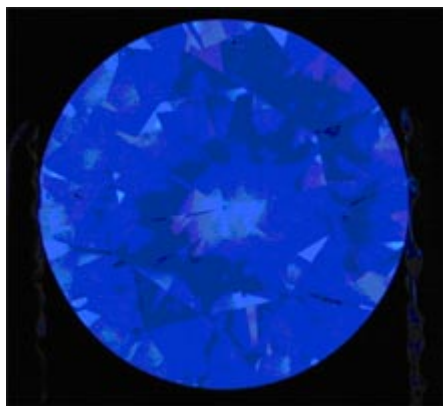
Найти в безбрежном заболоченном крае под слоем земли, торфа и мха “пяточок” в полкилометра — это о чем-то говорит.

На следующий год там открыли еще 10 трубок, в том числе богатейшую по алмазам — “Удачную”. “Зарница” стала для геологов “учебным полигоном” по овладению пироповым методом поисков кимберлитовых тел. Сейчас в тех местах — город Удачный, карьеры, поселки, аэропорт, обогатительные фабрики, дороги...

История самой “Зарницы” оказалась непростой. Вначале ее признали непромышленной, что, между прочим, дало тогда основание принизить роль Попугаевой в открытии якутских алмазных месторождений. Однако повторная разведка “Зарницы” в начале 80-х годов опровергла такое заключение. Разработка трубки Попугаевой началась только несколько лет назад, алмазы в ней — превосходные.

Завершив работу, Попугаева и Беликов сплывали до поселка Шелогонцы на реке Мархе, где находилась партия ленинградского НИИ геологии Арктики. Она с небрежным видом, один за одним, выкладывала на стол добытые образцы: “Вот нашла черт те что”. Были в ее словах, очевидно, и рисовка, и гордость.

С одной стороны, все говорило за то, что обнаружены кимберлиты, с другой — почти никто у нас прежде подобные породы не видел. За пару лет до этого геологи НИИГА уже нашли на севере Якутии такую породу. Один из геологов института высказал предположение, что это кимберлит. Его подняли на смех.

Флюоресценция природного алмаза в УФ свете

В Шелогонцах имелся люминесцентный прибор, в лучах которого алмазы светятся. В привезенном концентрате, отмытом из рыхлого материала на “Зарнице”, обнаружилось пять алмазных кристаллов. Она уверилась, что нашла кимберлиты...

Здесь надо вернуться к началу ее работы в то лето. Приехав в июне в Якутию, она не скрывала, как собирается искать коренной источник алмазов. Показала в Амакинке цветные микрофотографии пиропов, обрисовала методику работы (там имелись свои тонкости). Беликов пытался ее удержать: “Не болтай лишнего! Поостерегись, Лариса!” Однако она считала, что геолог геолога не обманет, что все они — друзья. Тогда-то в Амакинской экспедиции и почувствовали значимость нового метода. Одновременно с визитом к ней Краснова и Гневушева высадился на Далдыне отряд из этой экспедиции, устроивший за Попугаевой слежку. Ленинградцы устанавливали свои две палаточки — неподалеку появлялись амакинцы и делали никчемную работу (мыли песок на алмазы). Никакой помощи не оказывали. Лариса не выдержала: “Что вы к нам вяжетесь?”

На другой день после своего открытия Попугаева и Беликов спустились с “Зарницы” к Далдыну, она сама рассказала амакинцам о находке, хотя Беликов и пытался удержать ее от этого. Начальник амакинского отряда Б. Д. Скульский сообщил новость по радию в Нюрбу и получил указание привезти Попугаеву. Однако, как видно из изложенного выше, слежка за ними не была плотной, ей и Беликову удалось добраться до Шелогонцев без “эскорта” (так это описывал Беликов в своем интервью в газете “Мирнинский рабочий”, опубликованном в 1992 году). Скульский объявился лишь в Шелогонцах и уговорил Попугаеву лететь с ним в Нюрбу на совещание геологов, не дожидаясь Беликова, у которого в Шелогонцах оставались незаконченными хозяйственные дела. Геологи из НИИГА говорили ему: “Не отпускай Попугаеву! Пусть она не берет с собой образцы!”

По рассказу Гневушева, в Нюрбе весть об ее открытии “ошеломила и вызвала даже некоторое смятение среди геологов. Верили и не верили, спрашивали и переспрашивали друг друга, все стремились поскорее увидеть и привезенные образцы, и саму Попугаеву”. Лариса появилась там в красных лыжных шароварах, в которых

открыла “Зарницу”. Пиропы красные, штаны красные. Юмористы геологи предлагали продать им эти счастливые штаны.

После восторженного приема, оказанного геологами из НИИГА, устроившими в честь наших героев праздничный ужин, она ожидала в Нюрбе “цветы и шампанское”. Однако руководство Амакинской экспедиции встретило ее холодно: первая якутская трубка оказалась обнаруженной не ими, а другой экспедицией. Причем найдена молодой женщиной, “заезжей гастролершей” из Ленинграда, да еще всего лишь за два месяца. Кривили душой, оспаривая то, что найдены кимберлиты.

В конце сентября 1954 года в Нюрбу съехались геологи, связанные с поиском алмазов, около 100 человек, и состоялось назначенное совещание с участием московского руководства, подводившее итоги выполненных работ и намечавшее дальнейшие действия. Попугаева сделала “сенсационный” доклад, явилась героиней дня. Она пока что еще простодушно упивалась своим успехом.

Пироповый метод, ничтожный по стоимости, определил дальнейшие открытия. Название “Зарница”, данное этой трубке в Нюрбе Гневушевым (некоторые журналисты пишут, что оно якобы было уже указано Попугаевой в упомянутой выше записке), чрезвычайно точно отражает суть ее достижения. Оно действительно озарило, где и как искать алмазы. Это был “момент истины”. Уже в 1955 году обнаружили два района промышленных коренных алмазов в Якутии (северный и южный), нашли крупнейшие по запасам их месторождения. Сам метод как классический описывается теперь в учебниках.

Итак, ленинградские геологи переломили ситуацию с алмазными поисками в Якутии. Например, летом того же 1954 года геолог Амакинской экспедиции Иван Галкин, промывая песок на алмазы, обнаружил повышенное их количество в полукилометре от знаменитой в дальнейшем трубки “Мир” и прошел мимо. Сочли, что алмазы в это место принесены откуда-то издалека. Через много лет он сокрушался: “Если бы мы шли по пироповой ниточке, то обязательно вышли бы к трубке”. Он знал, что говорил: используя пироповый метод, ему в его практике неоднократно удавалось находить кимберлитовые трубки, даже погребенные под мощной толщей наносов.

А пока — сентябрь 1954 года, и руководство Амакинской экспедиции не может пережить, что лавры открытия уплыли от них. Начиная то знаменитое совещание, главный инженер “с твердостью в голосе” объявил о том, что ими — Амакинской экспедицией — найдены кимберлиты. У них была зацепка — потраченные на отряд Попугаевой деньги из их бюджета. “Зал содрогнулся от оваций”. Теперь им пришлось

признать, что найдены кимберлиты. Решение совещания сформулировали так, что все заслуги, в том числе пироповый метод поисков, оказывались принадлежавшими им (под этим решением стояла и подпись Бурова. Все объясняется просто: начальник экспедиции М. Н. Бондаренко был родственником и другом министра геологии П. Я. Антропова. Буров вскоре пошел на повышение: стал министерским чиновником).

Теперь оставалось только вынудить Попугаеву переоформиться в Амакинскую экспедицию для того, чтобы это открытие окончательно стало заслугой Нюрбы. Она отказывалась: перейти туда — это значило предать Сарсадских, свою экспедицию, потерять себя в глазах всех, кого она уважала. Соблазнить ее ничем не могли: в Ленинграде — семья, возможность поступить в аспирантуру, в какой-то там Нюрбе — жизнь при якутских морозах в сборном домике без удобств.

Ее начали “притеснять”, если употребить эвфемизм, использованный геологом, свидетелем тех дней. К приезду Беликова в Нюрбу через неделю после их расставания в Шелогонцах у нее под предлогом секретности уже забрали в спецчасть образцы, карты, дневники. Очевидно, что и он тут ничего не смог бы сделать. Ведь вся работа в этой области шла в большой тайне. Впервые объявили об открытии месторождений алмазов в Якутии лишь на XX съезде КПСС в 1956 году.

Улететь из Нюрбы она не имела возможности. Бондаренко контролировал, кого посадить на самолет, кого — нет. Других путей оттуда не было. Однако, даже если бы ее не задерживали, она не могла вернуться без своих полевых материалов, да и, очевидно, не подписывали командировку. Не давали отправить телеграмму в Ленинград. Беликов телеграфировал Сарсадских, чтобы та приехала. Сарсадских ответила: “Срочно прилетайте”. Беликов уехал и, естественно, вернувшись домой, рассказал, что происходит в Нюрбе. Сарсадских стала посылать телеграммы Бондаренко, на которые тот не отвечал.

А Попугаевой начали угрожать: “Вас не найдут в пяти метрах от базы”. Пригрозили, что она разделит участь отца и никогда больше не увидит дочь. Шантажировали тем, что обвинят в разглашении секретов (зачем она все рассказала геологам НИИГА?), возможно, также и в краже алмазов. На нее орали, оскорбляли, стучали по столу кулаком. Запугали настолько, что она боялась ходить даже на почту. Причем все происходило за закрытыми дверями кабинетов начальства. По свидетельству геолога Екатерины Елагиной, Лариса уходила оттуда “с дрожащими руками и застывшим страданием в глазах”. Один геолог, не осознавший, видимо, серьезности происходящего, нарисовал ее с покрасневшим от слез носом и назвал

свой шарж “Пиропонос”. В какой-то период ее “фактически арестовали”, как вспоминают сибиряки. Обо всем происходящем с ней знали только два геолога, которым она доверяла, но они ничем не помогли; скорее всего, сами боялись. Следует напомнить, что Сталин умер лишь за полтора года до этого, полтора года оставалось до доклада Хрущева на XX съезде КПСС.

Полтора месяца продолжалась неравная борьба между оказавшейся в одиночестве Попугаевой и всеильным руководством Амакинской экспедиции. Наконец, по словам Беликова, “Попугаева поняла, что никуда не денется из Нюрбы, пока не напишет заявление”. В ноябре она задним числом, что является противозаконным, перевелась туда на работу. Командировочное удостоверение и проездные документы Попугаевой подделали, проставив там удобные для Бондаренко даты ее прибытия в Иркутск и Нюрбу.

То, что Попугаева поддалась, не могут извинить ей те, кто не вникли в суть дела. Это и заставляет подробно описать произошедшие в Нюрбе события. Легко судить тому, кто не был в подобной ситуации. (Напрашивается такая параллель: в начале первого тысячелетия нашей эры римский император Август отправил поэта Овидия в суровую ссылку. Овидий стал писать в Рим малодушные стихотворные письма. Почти через две тысячи лет сочувствие ему высказал Пушкин, сам, как известно, испытывший на себе царскую немилость: следует благодарить того, кто “не ищет блистать душевной твердостью насчет бедного изгнанника, а с живостью заступает за него”.)

Добившись своего, Бондаренко выпустил Попугаеву...

В Ленинграде ее рабочий стол демонстративно выставили в коридор, обозвали “выскачкой”. Сарсадских устроила громкий скандал, обвинив в непорядочности. Та “ревела: меня заставили!” В Шелогонцах Попугаева подарила одному геологу из НИИГА маленький кусочек кимберлита, единственный из всех, который попал в Ленинград до ее приезда. Она же не знала, как обернется дело. Сарсадских до сих пор не простила Попугаевой ее поступок и не захотела понять, почему ей не был послан ни один из этих камней.

Один морской капитан, проводивший под огнем морские конвои, сказал так: “Героизм — это исполнение своих обязанностей при любых обстоятельствах”. Работа, проделанная этими женщинами, подпадает под данное определение. Однако герои не иконы, а живые люди.

В тот год Попугаева заплакала, наверно, свои слезы за всю предыдущую и последующую жизнь. Произошедшая история изменила ее. Она стала нервной,

взвинченной, выглядела для посторонних резкой, внутренне напряженной. Свое открытие вспоминать не любила, называла “Зарницу” “задницей”. Перестала ладить с начальством, лишь в кругу близких ей людей была, как и раньше, милой, живой, отзывчивой, прекрасной “с артистическим талантом” рассказчицей.

Зиму 1954–1955 года ей пришлось работать в Ленинграде с Сарсадских: они составляли отчет по теме их работы (Попугаева вернулась из Якутии со своими злополучными образцами, пробами и прочими полевыми материалами). В соавторстве они опубликовали в 1955 году статью в журнале “Разведка и охрана недр”, в которой строго научно обосновали то, что найденная порода является кимберлитом; так что и в этом их заслуга.

Полевой сезон 1955 года Попугаева провела в Якутии на Далдыне как рядовой геолог Амакинки на описании пород “Зарницы”. Можно себе представить ее настроение в то лето, однако именно тогда она посоветовала Володе Щукину пройти по ручью, в шлихах с которого, взятых ею в предыдущем году, имелись пиропы. Щукин буквально через несколько дней открыл “Удачную”. Из Якутии она написала горькое письмо Сарсадских: “Мы работали с Федюней как лошади, забывая есть и спать”. И далее о том, что благодаря им “призрачные тогда русские кимберлиты стали реальностью”.

Неподалеку от трубки “Зарница”, на том же ручье Далдын в 1955 была открыта трубка “Удачная”, выработанная за 45 лет до глубины 1400 метров.

Она пыталась бороться: восстановить и свою честь, и приоритет ленинградских ученых, приведших ее к “Зарнице”. Перед отъездом в Сибирь была в Москве, в ЦК

партии. В Нюрбе, в райкоме партии, в присутствии Бондаренко, встречалась с замминистра геологии. Отправила письмо в Якутский обком партии. При этом и в Москве, и в Нюрбе, и в Якутске говорила не о себе, не о том, как ее мучили, а о замалчивании заслуг Сарсадских и прочих ленинградских геологов.

В 1957 году “за открытие промышленного месторождения алмазов” Буров и пять геологов Амакинки получили Ленинскую премию.

Попугаевой в этом списке не было...

Формулировка премии дана почему-то в единственном числе, хотя имелись в виду две трубки: “Мир” и “Удачная”. Список лауреатов вызвал возмущение у рядовых геологов Амакинской экспедиции. По позднему утверждению Попугаевой, она посылала протест в Комитет по Ленинским премиям. Пришел ответ, что своих решений он не меняет.

Через полгода, в связи с 325-летием вхождения Якутии в состав России, Попугаева получила орден Ленина, Сарсадских — орден Трудового Красного Знамени, среди трех сотен других людей “за достигнутые успехи в хозяйственном и культурном строительстве”. По сути, это было принижение их заслуг.

Кимберлитовая трубка, алмазный карьер МИР. г Мирный, Якутия. глубина - 525 м, верхний диаметр 1200 - 1100 м, нижний 50 - 210 м. длина спирального съезда - 7,5 км глубина залегания алмазной руды - до 1,2 км. Закрыт 1 мая 2001г. Сейчас добыча идет шахтным методом.

Свою премию получил и Федор Беликов — два месячных оклада. Всю жизнь он прожил в коммунальной квартире на Васильевском острове, в одной комнате, и, будучи пенсионером, работал шофером на мусоровозке. Пьяница сосед, бывший милицкий капитан, терроризировал его и его жену. Он умер 4 января 1995 года.

В 1956 году Попугаева уволилась из Амакинской экспедиции. Там ее больше не удерживали. “Мавр сделал свое дело”. А в Ленинграде по месту прежней работы не взяли. Сарсадских заявила: “Либо я, либо она”. На “свою” кафедру минералогии в университете в аспирантуру не стала поступать, зная, что там о ней уже сложилось неблагоприятное мнение. Поэтому она пыталась поступить в аспирантуру при ВСЕГЕИ в том же году. На экзамене по минералогии была провалена. После экзамена члены экзаменационной комиссии обменивались по ее поводу ироническими репликами. Она поступила в аспирантуру в Горный институт на кафедру полезных ископаемых, откуда перешла на кафедру минералогии.

Осенью 1958 года я видел ее там, единственный раз. Перед дверью в кабинет профессора Д. П. Григорьева, ожидая приема, ходила молодая, приятная на вид женщина. Мне шепнули, кто она, и я смотрел на нее во все глаза. Время от времени она прикладывала ладонь ко лбу и говорила: “Как болит голова!” Между тем в комнате находились только я и лаборантка, незнакомые ей люди. Она была чрезвычайно естественной и искренней в своем поведении. Головные боли мучили ее с войны.

Аспирантура у нее не заладилась, и она ушла из Горного: судя по всему, ей трудно было терпеть менторский тон, капризность и деспотизм некоторых тамошних профессоров.

В 1959 году она поступила на работу в Центральную научно-исследовательскую лабораторию камней-самоцветов (ЦНИЛКС) при Ленгорисполкоме. Была назначена руководителем геолого-минералогической группы, состоявшей вместе с ней из двух человек. Дали зарплату — 980 рублей “Что вы хотите? Вы получили высшую награду Родины — орден Ленина!”

Ей поручили “инвентаризацию” месторождений камнесамоцветного сырья в Советском Союзе. Вместе со своей помощницей, Лидией Александровной Соловьевой, она обследовала свыше ста месторождений. Она выявила промышленную ценность двух месторождений бирюзы в Средней Азии и месторождения кроваво-красного гематита (кровавика) в Казахстане. Те, кто помнят, как они трудились, говорят, что это были невероятные энтузиастки.

Ее убеждали:

— Лариса Анатольевна, у вас в отчете написано, что выход годной продукции — 8 %. Поставьте 2 %. В следующем году напишите 3, потом 4 и будете спокойно существовать.

Ей это было непонятно.

В целом же картина выглядела удручающей: бирюза валялась под ногами, аметисты шли в отходы. Она писала и говорила о больших возможностях нашей страны в отношении развития ювелирной промышленности на собственном сырье, демонстрируя это на фактическом материале. Уяснив наши перспективы в этой области, сумела обратить внимание Председателя Совмина А. Н. Косыгина на данную проблему. В декабре 1964 года он пригласил к себе трех министров: геологии, финансов и внешней торговли. Состоялось совещание о путях развития отечественной ювелирной промышленности. Попугаева продемонстрировала ювелирные изделия из поделочных и драгоценных камней, изготовленные в ЦНИЛКС. (Перед поездкой к Косыгину в Москву ей сослуживцы внушали, чтобы она попросила у него квартиру. Разумеется, о собственных проблемах умолчала, въехала в отдельную квартиру лишь за три года до смерти, жила до этого в большой коммуналке. Она была “пробойной”, но не тогда, когда это касалось ее лично. О Косыгине отзывалась с восхищением.)

Во исполнение решения указанного совещания в 1966 году были организованы ВНИИювелирпром в Ленинграде и всесоюзный трест “Цветные камни”, назначением которого являлась добыча камней-самоцветов. В названном институте она в дальнейшем и работала начальником лаборатории камнесамоцветного сырья, занимаясь тем же самым — продвижением отечественного цветного камня в ювелирную промышленность. Узнав, что в Ленинграде есть человек, который посвятил себя такому делу, к ней начали приезжать геологи из разных мест со своими образцами.

В кимберлитах, помимо алмазов, имеются еще три ювелирных минерала: тот самый пироп с широкой гаммой оттенков (не только красный, но и лиловый, вишневый, фиолетовый, оранжевый), нежно-зеленый хризолит и коричневый гиацинт. Ими вовсе никто не занимался, они шли в отвал. Лариса Анатольевна хотела добиться попутного их извлечения. У нее имелись предложения на этот счет. Она была в Москве у начальника главка, ведавшего добычей алмазов; ничего вразумительного от него не услышала. Дело это удавалось ей продвигать с большим трудом.

В 1970 году Попугаева получила очень почетные и редкие для геолога диплом и значок “Первооткрыватель месторождения”. В ноябре того же года сделала в Горном

20 лет спустя. Лариса Попугаева перебирает алмазы на обогатительной фабрике в г. Удачном

Современный вариант награды "Первооткрыватель месторождения"

институте обобщающий доклад по своим работам и стала кандидатом наук. Весь ученый совет — 25 человек — проголосовал "за".

Это был ее триумф, и, казалось, должно было прийти успокоение. Однако покой не наступил. Дело в том, что она ни перед кем не стеснялась высказывать свое мнение. Причем выступала резко, прямолинейно, то и дело наживая врагов, естественно, и неприятности. Кто-то донес, что бирюзу, которую Попугаева собирала в каменных развалах и привозила из Средней Азии в рюкзаках на своей спине, она крадет на продажу. Пришли следователи, проверили, извинились. Одного из директоров своего института, не знавшего и не любившего камень, она не ставила ни в грош, ничуть того не скрывая. Бывший райкомовский деятель, он хотел в свою очередь ввести в рамки трудовой дисциплины "неорганизованного" работника Попугаеву. Ее лабораторию вновь преобразовали в группу, руководителем которой назначили человека, мало сведущего в ювелирно-поделочном камне, а Попугаеву понизили до младшего научного сотрудника под его началом. Директор писал в Москву, требуя, чтобы ей не присуждали ученую степень; возникла угроза увольнения (директор ссылался на то, что она много болеет). Кончилось тем, что в декабре 1970 года "Ленинградская правда" выступила с большой статьей в ее защиту. После этого была восстановлена и лаборатория Попугаевой, и она сама в прежнем качестве...

Однако если с начальством она ссорилась, то с людьми ниже по должности была в самых добрых и доверительных отношениях. В мехмастерской института до сих пор висит ее портрет.

В 1974 году была уважаемой гостьей в Якутии, когда там отмечали 20-летие открытия "Зарницы" и 25-летие находки первой алмазной россыпи.

Она бесконечно любила мир минералов, ее кабинет представлял собой музей из уникальных штуфов. Она получила авторское свидетельство об изобретении витражей из цветного камня (посмертно); такой витраж площадью в 9 кв. м был создан в вестибюле Горного института. Она подготовила в начале 70-х годов “Атлас самоцветов СССР”, оставшийся, однако, неопубликованным. Внесла живую струю в клуб любителей минералов при Дворце культуры им. Ленсовета. Она приглашалась в качестве эксперта по ювелирно-поделочному камню в Эрмитаж и на таможеню.

В последние годы жизни подолгу не появлялась в институте из-за болезней. Однако продолжала намечать планы своей работы.

Умерла Попугаева 19 сентября 1977 года. Пошла в конце рабочего дня купить своим домашним “чего-нибудь вкусенького”, попросила Соловьеву подождать. И рухнула на углу Лахтинской улицы и Большого проспекта Петроградской стороны: закупорка и разрыв аорты...

Крупным алмазам дают имена. Один из них, весом в 29,4 карата (около 12 мм в поперечнике), назван в ее честь. На “Зарнице” поставлен столб с текстом ее записки. Улицы в алмазных городах Удачном и Айхале носят ее имя. В Якутии вынашивается мысль о памятнике ей.

Памятник Ларисе Попугаевой. Автор монумента — петербургский скульптор Валерий Барков.

Памятник перед отправкой в Якутию. (Фрагмент)

(журнал «Нева», magazines.russ.ru, использованы иллюстрации сайтов: geo.web.ru, vokrugsveta.ru, spbumag.nw.ru, fototerra.ru, webois.org.ua, diamanters.ru, forum.faleristika.info)